

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
П12

Художественное оформление
Константина Гусарева

В коллаже на обложке использованы иллюстрации:
snegok13, davidcreacion, RedlineVector, VectorPocket,
Tomacco / Istockphoto / Thinkstock / Gettyimages.ru

Павлова, Вера Анатольевна.
П12 Проверочное слово / Вера Павлова. — Мо-
сква : Эксмо, 2018. — 480 с.

ISBN 978-5-04-095571-8

Новая книга Веры Павловой «Проверочное слово» включает стихотворения 2015–2018 годов о счастье, радости, которыми пропитана наша жизнь, несмотря на все потери, боль, утраты, неизбежные в жизни каждого, и прозу, написанную в эти годы. Как всегда честно и искренне о самом главном предназначении любого — о любви — от одного из лучших поэтов современности.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-04-095571-8

© Павлова В., 2018
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

Коле

*Она. Через О. Проверочное слово — он.
(Лиза Павлова, 1 класс «А»)*

*«Я Душенька... люблю Амура...»
Потом заплакала, как дура.
(Богданович, «Душенька»)*

шлю тебе любимая
шлю тебе любимый
книгу голубиную
почтой голубиной
опыта летучего
хрупкие скорлупки
с надписью *голубчику*
от его голубки

Долгая разлука. Зима.
Штормовых небес бездорожье.
Имя в изголовье письма.
Ласковая кличка в изножье.
Дочитаю. Выключу свет.
И, умывшись влагой солёной,
вверю невесомый конверт
шестикрылому почтальону.

В главу Камасутры «Позы»
свой лепет вплету:
ангелы, как стрекозы,
любятся на лету,
и на земле прибывает
музыки и тишины.
Бесполы? Да кто ж их знает.
Но, боже мой, как нежны!

дольней лозы прозябанье
ангелов горний полёт
ласковое колыханье
околоплодных вод
тайна сия бездонна
грезит о гроздьях лоза
у акванавта лона
проклёвываются глаза

День рождения. Вот-вот
мёртвый лёд взорвёт река,
вод исход произойдёт,
семь потов сойдёт, пока
окровавленный живот
хладнокровная рука
аккуратно застегнёт
на пуговицу пупка.

ПО МОЕМУ ХОТЕНЬЮ

Слово, слово, что там, в начале?
Раскладушка, на которой меня зачали
по пьяни, по неопытности, по распределению,
по любви, по кайфу, по моему хотению.

В общежитии. В Норильске. Родители отпра-
вились туда сразу после свадьбы. Трудно придум-
ать более неподходящее место для свадебного
путешествия, более неудобное брачное ложе. Одна
узкая раскладушка на двоих. Продавленный бре-
зент. Ржавые скрипучие пружины.

Эпос, лирика, драма.
Если б могла узнать я,
кончила ли мама
в час моего зачатья,
от соседей в подушку
спрятала ль стон благодарный
в Норильске, на раскладушке,
брачной ночью полярной?

Однажды (мы сидели втроем на кухне и попи-
вали кто что) я набралась смелости и задала им
этот жизненно важный вопрос.

Папа, на посошок?
Мама, ещё чаю?
Вам было хорошо,
когда вы меня зачали

в царстве подземного льда,
в царстве полночного полдня?
Мама ответила: да.
Папа ответил: не помню.

Они жили в Норильске около года. Были очень счастливы. Счастливы, в Норильске? Я побывала там несколько лет назад. Несадыщееся солнце освещало чёрные сугробы и ржавые железные деревья с лампочками вместо листьев. Больше никакой растительности там нет. Птиц тоже нет. Только люди могут там выжить. Но когда ветер дует со стороны фабрики, школы закрываются и жителям рекомендуется не выходить из домов. На этой фабрике и работали папа с мамой. Большая часть работников — зэки. Один из них спас жизнь нам обеим. Мама шла с работы, поднялась снежная буря, мама сбилась с пути и уже теряла сознание, когда чья-то рука схватила её за воротник и впихнула в непонятно откуда взявшийся в этом снежном аду автобус.

Общежитие существует до сих пор. На улице Ленина. Я пошла взглянуть на него. Серый обшарпанный дом. Вот тут, подумала я, самая большая клетка женского тела встретила с самой маленькой мужского, и пару секунд я состояла из двух клеток. Я посмотрела на часы. И поняла, что они остановились. Как вовремя, как пафосно кончилась батарейка, восхитилась я. Но всё оказалось ещё пафосней: через час, в гостинице, часы пошли опять. Идут до сих пор.

Вздых — и семя стало бременем.
Я была зачата летом.
Вечность — разница во времени
между тем и этим светом.
Штучку для завода вытяни,
стрелки переставь неловко.

Что у нас в порту прибытия?
Май. Измайлово. Хрущёвка.

Мама, мастер ОТК, ворочала раскалённые металлические чурки до восьмого месяца беременности. Рожать полетела в Москву.

Зачатая за полярным кругом,
выношенная полярной ночью
назло черным выюгам,
рвущим дыханье в клочья,
я родилась в столице,
не к славе ее вождедея,
но чтобы на свет появиться
там, где немного светлее.

Вот было бы хорошо родиться в самолёте! Хотя — нет, не успела бы: мама промучилась со мной больше суток. «Девочка, — сказала акушерка, — И такая хорошая!» И дежурная регистратуры сказала папе, ошалевшему от круглосуточного патрулирования Двадцатого роддома: «Никольская? Родила. Живую девочку».

Где она, та раскладушка? Как можно спать на одной раскладушке вдвоём? К тому же с беременной женой? Мама говорит, что спалось им отлично. Я ей верю. Мне тоже лучше всего спалось на раскладушках. В палаточном лагере детства. В дачном домике молодости. В нынешних мечтах о покое.

спать на раскладушке
под открытым небом
под цветущей липой
под цветастым пледом
под раскрытой книгой
под крылом заката
под полкой у лета
под присмотром сада

Оглушительно светел,
ослепительно тих
майский солнечный вечер
в царстве лип золотых.
Зелен, жёлт, фиолетов
шёлк ресниц на просвет.
Детский хор первоцветов.
Книга. Велосипед.

Полновесная весна.
Сквозняком соблазнена,
ветреница-занавеска
выскользнула из окна.